

Если подумать, с таким навыком можно и в поимку преступников податься — вдобавок за эту работу и налоги платить не нужно!

Только вот место стражника — как колышек в заборе: отец стражник — значит, и сын стражник.

Разве что уездный ямынь захочет найти пушечное мясо или козлов отпущения, тогда они и подумают нанять кого-то со стороны.

В Луньюане: родился пахотарем — твоим потомкам век землю копать; родился в семье маркиза — твоим потомкам век господами ходить.

Хочешь чиновником стать? Смотрят не на способности, а на кровь да происхождение.

Разве это справедливо? Черт побери, да это же несправедливо!

Впрочем, для древних монархий всё это было в порядке вещей, особенно для империи, уже дошедшей до ручки.

То, что он никак не мог привыкнуть к нынешней жизни, тоже было вполне нормально — в конце концов, он человек современный и изначально вообще не собирался ни к чему адаптироваться, иначе сбежал бы за границу с самого начала.

Если бы не его своенравная дочь, сбежавшая сюда с каким-то остолопом, у которого в голове бродили идеи о всеобщем равенстве, он бы ни за что не вернулся в эту дыру.

В итоге эти ублюдки оба померли, оставив ему на шею маленького ублюдка, чтобы жизнь малиной не казалась...

И как там теперь этот мелкий паразит, интересно? Сегодня утром этот сорванец опять капризничал, не пускал его в горы, а когда понял, что тот всё равно пойдет, увязался следом, так что пришлось запретить его дома.

Неужели этот малец ухитрился тайком пробраться в горы вслед за ним?

Если он и вправду проследил за ним и полез в горы на верную смерть, тогда этой порки ему точно не избежать.

...

Продолжая преследование, Мэй Цзинмо смутно слышал низкое рычание дикого медведя и

подумал, что эта тварь должна быть где-то поблизости, в пределах десяти метров.

Он привычным жестом выудил из поясного кармана керамический бафлакон, в котором хранился высушенный медвежий помёт.

Черпнув немного фекалий, он мазнул ими по лицу в два штриха, чтобы слиться с запахом чёрного медведя и не спугнуть зверя раньше времени.

Осторожно используя кустарник в качестве укрытия, он стал медленно подбираться к источнику звука. Вдруг он услышал шёпот — словно кто-то тихо говорил прямо ему на ухо.

— Братец... мне страшно...

— Тсс!

Он сразу узнал голоса Лю Сяоху и Лю Сяолуна.

Выглянув из-за укрытия, он действительно увидел стоявших под старым софором братьев Лю, а неподалеку бродил в поисках пищи мощный, свирепый чёрный медведь. К счастью, эта скотина ещё не заметила мальчишек.

Лю Сяоху от страха трясло всем телом, в то время как его старший брат Лю Сяолун держался куда спокойнее: с привычным лицом он осторожно тянул брата за руку, постепенно отступая назад.

Мэй Цзинмо плавно натянул длинный лук, словно изогнутый в ночном небе месяц, и направил стрелу прямо на медведя. Но тут зверь, словно что-то почувствовав, резко поднял голову и глянул на запад — аккурат нос к носу с братьями Лю. Заметив это, Лю Сяолун зычно рявкнул:

— Бегите!

Не успело замереть эхо его слов, как чёрные иглы на спине медведя вздыбились, превратившись в подобные стали шипы, и зверь стремительно бросился на братьев. Скорость его была подобна мчащемуся с горы леопарду, а свирепость — небывалой.

Разве это обычный медведь? Да это же настоящий лесной оборотень-сюань!

Встрепенувшись от неожиданности, Мэй Цзинмо отбросил лук в сторону и стрелой метнулся к братьям. Подхватив обоих за талию, он сделал переднее сальто, ловко уйдя от яростного натиска медведя. Затем он легонько хлопнул мальчишек по спинам и громко крикнул:

— Бегом!

Услышав это, дети даже не успели поблагодарить спасителя и бросились наутёк со всех ног.

Мэй Цзинмо выхватил из поясного кармана кинжал и развернулся лицом к снова атакующему медведю.

Хотя в душе Мэй Цзинмо тревожился, панике он не поддался. За свою жизнь он повидал немало и знал о чудовищной силе медведей, но понимал и другое: слабости есть у любого создания, надо лишь как следует поискать. Заметив, что зверь снова бросается в атаку, он быстро отступил на пару шагов, уворачиваясь от первого удара, и одновременно крепко сжал в руке кинжал, готовясь к ближнему бою.

В глазах Мэй Цзинмо мелькнуло решимость. Глубоко вздохнув, он резко подался вперед и, воспользовавшись моментом, когда медведь замахнулся лапой, перекувыркнулся через голову и в мгновение ока очутился у зверя на спине.

Он вцепился обеими руками в медвежью шерсть, пытаясь удержаться, и в то же время занёс кинжал высоко над головой, целясь прямо в затылок чудовищу.

Но шкура у медведя оказалась толстой и дублёной, так что кинжал Мэй Цзинмо уперся в густую шерсть и не смог войти в плоть. Хуже того, почуяв неладное на своей спине, зверь принялся яростно мотать туловищем, пытаясь сбросить наездника.

Мэй Цзинмо не удержался и рухнул с высоты на землю, тяжело ударившись.

Ему показалось, что все внутренности сместились со своих мест, а от боли перехватило дыхание.

Медведь же, воспользовавшись моментом, снова бросился на него. Поняв, что дело дрянь, но будучи уже не в силах увернуться, Мэй Цзинмо оставалось лишь зажмуриться в ожидании смерти.

К счастью, это тело было всего лишь порождением Нань Тяньчжу, а не его подлинной сущностью.

Дальше за малышом Маленьким Тан Лэ придется приглядывать другому его аватару — Мэй Цзысюю.

В этот самый момент послышалось свистящее «вжух-вжух» — два камешка со свистом прилетели издалека и угодили прямо в глаза медведю.

Взвыв от боли, зверь резко взревел, и его движения мгновенно замедлились. Заметив это, Мэй Цзинмо невероятно обрадовался. Превозмогая боль, он вскочил на ноги и снова бросился на медведя.

На этот раз он учёл прошлую ошибку и не стал пытаться бить в затылок — прицелившись в глаза медведя, он со всего маху вонзил туда клинок. Из пасти зверя вырвался пронзительный, полный боли вопль, а его свирепые очи в тот же миг залились кровью, потеряв прежний грозный блеск.

Лишившись зрения, медведь мгновенно запаниковал. Он ревел, шарахался из стороны в сторону, его огромная туша неуклюже спотыкалась о деревья в чаще леса, а голова безумно моталась из стороны в сторону, пытаясь сбросить Мэй Цзинмо.

Разве мог Мэй Цзинмо выпустить его из хватки? Стиснув зубы, он вцепился в медвежью шею руками, словно железными клещами. И в этот момент его словно осенило: он вдруг заметил на шее зверя старый рубец от затянувшейся раны — прямо-таки подарок небес, идеальную брешь в защите.

Крепко сжав рукоять кинжала двумя руками, он вложил в удар всю оставшуюся силу и резко полоснул. Раздался влажный звук «хлюп», и кинжал насквозь прошил шею медведя, фонтаном хлынула кровь.

Испустив предсмертный дикий рев, огромная туша рухнула на землю.

Мэй Цзинмо лежал на земле, пытаясь отдышаться, как вдруг с дерева спрыгнул какой-то белый пушистый комок. Приглядевшись внимательнее, он увидел, что у этого создания тигриная мордочка — точь-в-точь ёкай, но ауры демона от него не исходило. Всё тело покрывала серебристая шерсть с золотистыми прожилками, а само оно щеголяло пузатым пупком да круглым пузиком командира гарнизона, выглядя одновременно глуповато, умилительно и весьма симпатично.

Кто же это? Тан Лэ!

Это же порождение любви его дочери и местного эндемичного вида тигриного духа — то есть родной внук его, Мэй Ганя.

Гляди-ка, Маленький Тан Лэ держал в руке рогатку, упершись обеими руками в бока, и стоял перед Мэй Цзинмо с чрезвычайно гордым видом, явно ожидая похвалы.

Судя по всему, те два камня выпустил именно он.

В душе он мысленно похвалил малого: храбрости сорванцу не занимать.

Однако напускная суровость тут же вернулась на лицо Мэй Цзинмо — он насупился и зыркнул на Маленького Тан Лэ:

— Ах ты паршивец мелкий, пробрался в горы тайком! Знаешь вообще, сколько здесь хищников и тигров бродит? А если б тебя медведь покалечил или сожрал, что тогда делать?! Как мне дальше жить?!

Услышав это, Маленький Тан Лэ испуганно ёкнул — он никак не ожидал, что на него начнут ругаться. Опустив голову и едва сдерживая подступающие к глазам слёзы, он тихонько пробормотал:

— Я... я просто хотел посмотреть на третьего дядю...

— На что тут смотреть?! На то, как твоего третьего дядю медведь сожрёт? — рассвирепел Мэй Цзинмо, ухватил сорванца за ухо, притянул к своим коленям и отвесил пару несильных шлепков по попе.

Маленький Тан Лэ горько ревел во весь голос, заливаясь слезами, и жалостливо глядел на Мэй Цзинмо.

Глядя на эту несчастную мордашку, Мэй Цзинмо мгновенно растаял внутри и бить дальше перестал. Осторожно опустив Маленького Тан Лэ на землю, он предельно серьёзно произнёс:

— У меня к тебе особых требований-то и нет, лишь бы ты каждый день радовался жизни. Желание у меня всего одно: чтобы ты был цел и невредим, просто жил, понятно? Хватит уже искать смерти на свою голову каждый божий день!

<http://bllate.org/book/21057/2141080>